

Мама только просила
отка останешься жива расскажи всем что ты видела что твоя
мать была честной до конца

уходила октября из дессы в часов утра мама стояла у ворот
и пока мне ее видно было все махала мне рукой тогда еще не знала
что в этот же день часов в пять вечера на альнике ее сожгут в
школе вместе с **Ася Вольендлер** единокровной сестрой она даже предсмертно
отвела от меня беду деревне я пробыла недолго до того как выдавала
меня соседка родственницу родные ее знали обо мне все з города
приходили в гости в гости страшной дружки и меня не было сил жить
в неизвестности в кругу врагов и в одиночестве в артиру
я ужаснулась портреты папы и мамы валялись на полу Они жили
не богато но из того что оставалось ничего не осталось все
разграблено посуда побита то тут произошло спросила у соседей
они рассказали что маму как и других евреев убили на альник
кричала день и ночь о соседству у нас жила семья ондыба ася
аши были ровесниками моих братьев ни деда ни бабушки
ршии ни вместе со своей матерью ни деда ни бабушки
немецков хлебав

от их зна
дессу то в пер
и забинтила ст
привел немцев
дружки до войны

ещицы были все на
мышонок залезла
но они грязно выр
аритоновы была с
кто то меня выда
лободку

Предисловие

Уже много лет как я занимаюсь историей Интердома. Поначалу мне приходилось трудно в ней разбираться, много имён, много событий и много людей связаны с нашей историей.

Я поняла, если хочу познакомиться с нашей историей, мне надо сначала познакомиться с мировой историей тех времён.

Постепенно я начала проникать в неё, и двери к истории Интердома мне начали открываться.

Из всех стран, от наших интердомовцев, мне начали приходить материалы, фотографии и много истории.

По натуре я человек упрямый, что касается, исследований. Пока не найду ответы на все свои вопросы, я продолжаю искать и искать.

Прошло много лет, от начальной истории Интердома, и конечно, не на все вопросы я смогла найти ответы, но я не сдаюсь и продолжаю искать.

Так и случилось с историей семьи Вольгендлер.

С тех пор, когда я частично познакомилась с историей их семьи, я начала без перерыва искать, чтобы узнать всю их историю.

Мне было только известно, что их в Интердоме было пятеро, четверо братьев, Бенъямин, Шалом, Аврум и Анатолий и сестра Ася.

Я так же знала, что трое из братьев служили на фронте в Великой Отечественной Войне и, что двое из них, Шалом и Аврум, погибли уже в начале войны, в 1941 году.

Я нашла сведения об Анатолий, которого вместе с матерью, сожгли живыми в Одесском гетто, а также про Асю, которая попала в концлагерь.

Фотоматериал, семьи Вольгендлер, у меня был не полным. Многих из них я не знала в лицо.

Всё это меня заставило продолжать поиск. Не буду здесь описывать, к кому я только не обращалась.

И вдруг...

Это было в октябре 2019 года, ко мне обращается седьмой класс нынешнего Интердома, с просьбой, найти адрес родственников Аси Вольгендлер.

Я понятия не имела, откуда мне найти родственников Аси.

Вспомнила, что когда искала Асю, я в интернете нашла её фотографии, где она уже живёт в Израиле.

У меня есть привычка, всё что нахожу, скачиваю на свой компьютер.

И вот, я начала в своём архиве искать фотографии Аси.

Рассматривая их, я вдруг заметила, что эти фотографии из русского сайта, Одноклассники.

Как же я могла не учесть, что Ася могла находиться в Одноклассниках, подумала я.

Могу сказать, что хотя я и записана в Одноклассники, никогда им не пользовалась.

Просматривая фотографии Аси в Однокласснике, я заметила, что имена некоторых людей, стоявших рядом с ней, подписаны. С помощью нашего интердомовца Юры Куликова, 1965 года выпуска, мы в конце концов нашли дочку Аси, Веру.

Не могу описать мою радость, когда познакомилась и поговорила с Верой по телефону.

С нетерпением я задавала Вере много вопросов об истории семьи Вольгендлер.

Вера пообещала мне прислать воспоминания Аси, и тогда, добавила она, что все вопросы у меня отпадут. Вера мне так же дала телефон Александра, сына Беньямина, который живёт в Нью-Йорке.

После нашего с Верой разговора, я вскочила со стула, протянула руки к небу и поблагодарила его от радости.

Позвонив Александру в Нью-Йорк, я познакомилась с очень приятным и чувствительным человеком, который сразу пообещал мне прислать фото семьи, которые у него хранятся.

И вот Вера мне присылает воспоминания Аси и много фотографий семьи.

Читая рассказ Аси, на душе мне стало тяжело и слёзы так и текли из глаз. Я никогда не могла себе представить, какой кровавый путь прошла эта смелая женщина. Трагичная судьба семьи Вольгендлер, проникла в глубину моего сердца.

Читая воспоминания Аси, у меня появились чувства огромной благодарности за то, что, не смотря на тяжёлую судьбу, Ася нашла в себе силы, написать обо всём и таким образом поделиться не только со своими родственниками, но и с нами - Интердомовцами, судьбой её семьи.

Я считала правильным переписать эти драгоценные для нас и для истории Интердома воспоминания и добавить туда все фотографии, которые мне прислали Вера и Александр и те фотографии, которые хранятся в моём архиве.

Я сохранила оригинальность текста, не внося никаких изменений.

Огромная Благодарность, Вере Демьяновой и Александру Соколовскому за доверие.

Вечная память нашим братьям:

Беньямину, Шалому, Авруму и Анатолию.

Вечная память нашей сестре - Асе Вольгендлер.

Вечная память их родителям и старшему брату Гидону (Грише)

Азин Табари

Братья Вольгендлер

1. Гидон (Гриша), 1912 года рождения. Не был в Интердоме. Воевал, выжил войну.

2. Кармелла умерла когда ей было 5 лет.

3. Бенъямин (Намик), 1917 года рождения. Интердомовец. Воевал, выжил войну.

4. Авшолом (Шурик), 1921 года рождения, Интердомовец, в Интердоме его звали Шалом.
Воевал, погиб на фронте 1941 году.

5. Ававрум 1923 года рождения. Интердомовец, в Интердоми его звали Аврум.
Воевал, погиб на фронте 1941 году.

6. Оснат, 1925 года рождения. Интердомовка, в Интердоме её звали Ася.
Выжила Концентрационный лагерь.

7. Навтали, 1927 года рождения. Интердомовец, в Интердоме его звали Анатоли.
Погиб в гетто Одессы, его сожгли живым с матерью.
Не закончив 7 класс его отправили в апреле 1941 года из ИДД в Одессу (причина не известна).

Ася Вольгендлер
Воспоминания

уже 15 лет как я живу в
своей родине в Израэле,
самое лучшее воспоминание
моей прошлой жизни,
конечно моя любовь к
мне и мои братьев.

7 лет промудре самых
качественных в. интердуге
ораве иванова.
и мне уже 87...

Из слов мамы, хочу достоверно произвести своё рождение и начало своих детских лет и взрослой жизни.

Мама родилась в еврейском местечке под городом Кременчугом в России в 1897 году. В 1910 году мой дедушка со всей своей семьей уезжает из царской России на постоянное место жительства в Палестину. В скорое время там мама познакомилась с моим папой, и вышла за него замуж. Папу звали Исаак, фамилия Вольгендлер. Мамина девичья фамилия - Полак. Папа родом из Польши. Знаю только, что они родом из Варшавы. Как папа попал в Палестину тоже не знаю; знаю только со слов мамы, что он занимался политической деятельностью (был коммунист). Нас у мамы родилось 7 человек детей.

Первый был брат Гидон, 1912 года рождения, второй была сестра Кармелла (она умерла в 5-ти летнем возрасте), третий был Бенъямин, 1917 года рождения, четвертый – Авшолом, 1921 года рождения, пятый, Аврум, 1923 года рождения, шестая, я - Ася, 1925 года рождения, седьмой Навталий, 1927 года рождения.

Итак нас живых было 6 детей. Так как мама с папой были революционеры, и папа часто сидел в тюрьмах, маме не разрешали жить в одном городе. Детей она рожала в разных городах. Работала большей частью кем придется: кухаркой, прислугой. В 1927 году маму посадили в тюрьму, она была беременна Толиком. Когда она родила Толика и ему исполнился месяц, её выпустили из тюрьмы и поставили условия, что она немедленно покинет Палестину (ведь мама была русской поданной). Папа в это время опять сидел в тюрьме. Мама в 1927 году вместе с детьми вернулась в Россию, но уже не царскую, а Советскую.

Я уже говорила, что все, что связано с ранним детством, я знаю со слов мамы. Себя в раннем детстве помню урывками. Помню, что я жила где-то в детской колонии на 3-ей станции г. Одессы (из слов мамы).

Шел 1930 год. Видимо, в стране был голод.

Я помню такой эпизод: нас уложили спать, выключили в спальне свет, мы укрывались с головой, так как стоило выключить свет, как сразу начинали по нам ползать крысы. Мы все лежали под одеялом и орал во весь голос. Однажды (видимо, был какой-то праздник) свет в комнате где мы спали не был выключен, мы лежали тихонько, вдруг почувствовали очень вкусный запах, тянувшийся с кухни. Кто-то из детей сказал: пойдёмте посмотрим в щелку, что там. Мы прокрались и в щелку увидели на столе много испеченных белых булочек. Это наши сотрудники воровали у нас продукты и пекли себе угощения. Мы были очень голодны. Все вернулись в спальню и начали громко плакать. Прибежали взрослые и в недоумении (они думали, что мы испугались крыс), ведь свет горит! Тогда мы все начали кричать, что хотим кушать. Одна воспитательница расплакалась, побежала на кухню и принесла нам вкуснейшие булки. Мы наелись и заснули. (А в кухне ругались взрослые, чем у них кончился скандал мы конечно не знали).

Помню такой случай. У нас была деревянная уборная, а наверху окошко. Мы вечерами взбирались на окошко и смотрели на луну, каждый сочинял о жизни на луне, кто, что мог. Я видимо играла на губной гармошке (кто научил не помню) у нас дома, у мамы были фотокарточки, на которых я играю на губной гармошке, дирижирую детским оркестром.

В 1931 году однажды мама пришла с каким-то мужчиной (в детскую колонию), я запомнила его, у него был светлый волнистый волос. Она меня подозвала и говорит: это твой папа. Я не подходила (я ведь почти его не знала). Помню он вытащил из сумки коробку красивых конфет, я сразу побежала. Ок, говорит, я твой папа, а я - "нет, ты - дядя", папа заплакал. Тогда я видимо заволновалась и закричала - "папочка, папочка". Он схватил меня на руки и начал целовать (я была у них любимицей, ведь единственная девочка в семье).

Потом я видела папу ещё 2 раза. Из слов мамы и документов. Папа в феврале 1931 года бежал из Палестины из тюрьмы и прибыл в СССР. Он пробыл в СССР всего с пол месяца. Устроился на фабрику "Красный профинтерн". И был задавлен 22-го февраля 1931 года автомобилем у мамы на глазах (при выходе из трамвая). Я помню похороны папы, было очень много народу, военных. Но мне мама не сказала, что это хоронят папу, а сама я видимо ещё не понимала, что к чему. Мне было где-то около 4-5 лет.

В 1931 году мама перевезла нас в Московские детские дома. Мой младший брат Толик и я попали в детский дом им. Клары Цеткин на Арбате (для дошкольников). Я очень хорошо помню жизнь в детдоме им. Клары-Цеткин. Совсем, всего в нескольких метрах от детдома была Сухаревская башня, на экскурсию куда мы часто ходили (там был в 30-е годы музей). Детдом находился в бывшем особняке какого-то богатого человека. Детей в детдоме было мало. Кормили нас очень хорошо. В этом детдоме были дети зарубежных коммунистов. Я очень хорошо помню: Марту Ганчеву, Нелли фамилию не помню, (знаю, что мальчик Джимми, что снимался в фильме "ЦИРК" его родной брат). Еще помню Майю Кляйберг и Марона. Потом я вместе с этими детьми в начале 1933 года была переведена в село Васькино, в Монино под Москвой, где собирали детей из всех мелких детских домов (интернациональных), чтобы коллективно отправить всех в г. Иваново, где построили новый красивый детский дом им. Е.Д.Стасовой. В с. Васькино приехали все мои старшие братья, кроме Гриши, он по возрасту не подходил для детдома. Ему уже был 21 год. Он жил с мамой и работал в Одесском порту грузчиком, потом стал работать в цирке артистом. Я подробно, к сожалению, автобиографии своего старшего брата не знаю.

Через месяц нас из Васькино (весь детдом) переводят в г. Иваново где был построен интернациональный детдом, в который собирали из всех мелких интернациональных детских домов, которые находились в разных городах СССР. Помню, как мы переезжали в Иваново. С транспортом было плохо, поэтому из Васькино до станции Монино мы шли пешком. А если учесть, что 33 году были плохие дороги, то можно себе представить как мы месили грязь, а ведь мне было всего семь лет. Зато как нас встречали в Иваново, Вся привокзальная площадь была запружена людьми. Все трудящиеся вышли встречать детей зарубежных коммунистов. Море цветов. Нас буквально вынесли из вагонов на руках.

Это было так необычно. Я помню эту встречу как сейчас, сколько нужно иметь благородства, любви и сочувствия к нам, маленьким детям, чтобы так нас встретить. Ведь нельзя забывать, что только 16 лет прошло после гражданской войны. Страна ещё очень слабая, сама с трудом вставала на ноги, а тут такая забота о детях зарубежных коммунистов. Такое благородство со стороны возможно только в свободной стране от капиталистов и эксплуататоров. С чувством глубокой благодарности в сердце я пронесла через всю жизнь это теплое чувство встречи нас детей Ивановскими трудящимися.

В 33-м году я пошла в 1-й класс. Первая учительница моя была Александра Александровна (фамилии не помню). Учились мы сначала непосредственно в детдоме. Помню как мы благоустраивали свою территорию, ведь детдом был ещё только построен и перед ним ничего не было посажено. Мы разбили (дети) цветник, посадили деревья. Рядом с детдомом через овраг сразу начинался лес. Место для детдома выбрано было очень хорошо. Я подружилась с болгарской девочкой Мартой Ганчевой (отец её был другом Димитрова) , мы с ней сели за одну парту.

Какие мы были смешные. Стоило нам посмотреть друг на друга, как мы начинали беспричинно смеяться. Сколь раз из-за этого нас Александра Александровна выгоняла из класса. Но стило нам снова зайти в класс и посмотреть друг на друга, как мы начинили хохотать. Училась я неплохо. В спальне нас было 6 девочек. Но у меня были и "враги". Я помню одну девочку Марго-немка, как она издевалась надо мной, натравливала других девочек на меня, обзывала меня жидовкой, в постель подсовывала грязные словые ветки. Я никому не жаловалась, а только плакала потихоньку. Но скоро эту девочку убрали из детдома. Говорят (сейчас наши детдомовцы), что она сама много горя перенесла, и сейчас живет в ФРГ. В детдоме было жить очень интересно. Сколько было разнообразных кружков. Выбирай на вкус. Я даже помню, как-нам подарили летчики самый настоящий самолет (конечно старый) . Сколько было радости. Мы даже ходили в кавалерийскую школу. Я лично занималась на пианино, в балетном кружке, хоровом, фото, вышивальном и кав. школе. И все успевали. Времени на шалости не было. Читать я начала где-то с пяти лет. Всецело каждую свободную минуту посвящала чтению книг. Книги были моей жизнью.

Но не надо думать, что из нас в детдоме растили барчуков. Нет, мы сами делали заготовки топлива на зиму, складывали в штапеля приготовленные чушки. Ходили помогать копать картошку и многое другое. У нас в детдоме был скотный двор, где были коровы, свиньи, куры, и мы сами ухаживали за ними. У нас в детдоме были свои теплицы, где тоже ухаживали за ними воспитанники. В детдоме были и слесарно-столярные мастерские. Все было для гармоничного развития личности ребенка. И это в то время, когда Советская страна с трудом вставала на ноги после Октябрьской революции, после Гражданской войны, тогда, когда в стране был страшный голод. Это ли не наивысшая гуманность: приютить и дать такое совершенное воспитание детям зарубежных коммунистов?

Это истинно гуманный шаг Советского правительства, всего советского народа. Это у меня останется в сердце до самого конца моей жизни. В детдоме (Ивановском Интернациональном). я воспитывалась 7 лет. В этом детдоме воспитывались и мои четверо братьев: Биньямин, Авшалом, Аврум и Навталий. Старший брат Гидон жил с мамой в Одессе.

По мере вырастания братья уходили из детдома в большую жизнь. Намик (Беньямин), как сокращено называли его у нас в семье, был первым секретарем Комсомольской организации детдома. Был заядлым футболистом и капитаном детдомовской команды. Шурик (Шелом) вышел из детдома в 33 году, он тоже был заядлый футболист. Абраша (Аврум) от природы был очень музыкально одаренным ребенком. Ещё с детских лет сам сочинял музыку. Как-то в детдом приехал композитор Дунаевский, он прослушал его произведения и поговорил с Абрашей и сказал, что ему обязательно надо продолжить музыкальное образование. После окончания 7-летки Абраша уехал в Одессу к маме и поступил учиться в музыкальную школу им. Столярского на композиторский факультет.

Я, окончив 7-летку, из детдома уехала в 40 году тоже в Одессу к маме, поступила учиться в музыкальное училище на духовой факультет по классу флейта. А было дело так. Прежде чем меня приняли в училище, мы с Абрашей поехали на дачу к профессору Столярскому (как брат сказал) посоветоваться, мне было в то время 14 лет. Помню зашли на дачу, нас встретил толстенький человек в очках. Я остановилась у дверей (почему-то испугалась и как он ни приглашал подойти, я не шла. Немного поговорив, он предложил мне спеть что-либо, потом сыграть на рояле. Играла я конечно плохо. Но мечта моя была - стать певицей. Выслушав меня, он взял в свои руки мои, помял их и говорит, что жаль, что в детстве я не училась на скрипке (он был очень известный в мире скрипач), у него получил образование такой известный в СССР скрипач как Давид Ойстрах.

Столярский - основатель советской скрипичной школы. Но он меня огорчил тем, что сказал, что на вокальный факультет меня по возрасту не возьмут (туда брали только с 18 лет). На фортепьяно у меня плохая подготовка, он мне предложил поступить на духовой факультет по классу флейта. Я согласилась, он написал свою рекомендацию. Меня, как воспитанницу детдома, приняли вне конкурса. Учиться я стала у профессора Рагового. Училась неплохо, но материальное положение в семье было тяжёлым.

Мама не работала (она после смерти отца стала инвалидом, папа ведь у неё на глазах погиб и мама с ума сошла). 2 года лежала в психбольнице, и, хотя здоровье её восстановили, но она стала инвалидом. От стипендии и пенсии, что получали мы с мамой, было маловато. Нас ведь было трое Абраша, мама и я. Надо было одеваться и что-то есть. Но несмотря на это мы не унывали.

Дома у нас всегда было весело, к Абраше приходили его товарищи музыканты, да мои подруги. Всегда в доме звучали музыка, смех, шутки. Мама от природы была очень веселым человеком. Несмотря на то, что мама была инвалидом, она вела общественную работу. Из старого сарая во дворе она с детьми организовала что-то вроде пионерского клуба, который в то время назывался пионерский форпост. Её знали все дети нашей улицы, любя называли (по-одесски) Муторша. Какой это был счастливый год. Как ни хорошо было в детдоме, но мама есть мама.

В начале апреля 1941 года один воспитатель привез из детдома Толика (почему ему не дали закончить 7 классов в детдоме для меня до сих пор не ясно). Он сразу пошел в школу в 6 класс и в конце мая закончил 6 классов, был переведен в 7 класс. У меня впереди были экзамены. Ничего не предвещало горе. Вот и наступил последний день экзаменов 22 июня 1941 года, я сдавала географию. Сдала ! Я студентка 2-го курса. Мчусь домой. Ура ! Я все сдала. И вдруг....

Вот уже 21 год прошел со времен во войны. Кажется все ушло в забвение. Но где-то в подсознании мелькает все время: "Надо оставить память о пережитом, напиши, что же ты ..."

Сегодня на меня нашло. И вот результат.

Это было в 1941 году...

Я окончила 1-й курс музыкального училища в Одессе, т.е. сдавала последний экзамен по географии. Это было 22 июня 1941 года.

Наконец-то сдала. С какой радостью я летела домой "Мамочка, ура, я на втором курсе!". "Но что это? Мама какая-то не такая как всегда, где её жизнерадостный оптимизм?" "Что случилось, мамочка?".

"Слушай, дочка". Вдруг во дворе у кого-то громко заговорил громкоговоритель. Мы выбежали с мамой. И то, что я слышала, было чудовищно - "Война".

Мама, милая моя мама, которая никогда не унывала когда ей было тяжело. Ведь нас уже было шестеро. Ей было 32 года, когда она осталась с нами без нашего папы. С мамой сделалось плохо. Я испугалась, Толик (мой братишка, ему было 12 лет) заплакал, испугался за маму. Соседи помогли привести в чувство. Я посмотрела на неё и не узнала. Она наполовину сделалась седая.

Жена политэмигранта, всю свою молодость пережила в страшных гонениях, так как папа был Палестинским коммунистом и часто сидел в тюрьмах, а мама с маленькими детьми скиталась из города в город, так как власти не разрешали ей долго жить на одном месте. В 1927 году ей удалось вместе с детьми приехать в Советский Союз. Папа был тогда в тюрьме. В 1931 году папа бежал из тюрьмы в СССР, но 22 февраля 1931 года был задавлен автомашиной в Одессе. Буквально в первые же дни войны на фронт попали сразу три моих брата, Шурик, Намик, и Гриша. На очереди был 4-й брат -Абраша. Его взяли через 2-3 месяца после объявления войны. Ему было 17 лет. "Бедная мама, сразу - четыре сына". Мы с Толиком были самые маленькие.

В начале войны я с подружкой моей Маей поехали добровольно в деревню на помощь, убирать урожай. Урожай в тот год был очень хороший. Одесса все больше и больше попадала в окружение. С большим трудом в начале сентября удалось пробраться в Одессу. А мама, что она пережила?! ". Из-за меня и Абраши мама не эвакуировалась (Абраша был на Одесском фронте).

"Мама, люди, что это за слово! Мама - дорожке этого слова нет. Сколько она из-за нас выстрадала. Но, жизнь, ты бываешь жестока, и этого ей было мало.

Буквально через две-три недели, как Абрашу взяли на фронт, мы получили извещение, что он погиб. На маму было жутко смотреть, ей было 45 лет, но она постарела лет на 10. Мы не доедали, не досыпали, как и все люди, что были в осаде Одессе. Мы с мамой и братом ходили делать баррикады, расчищали разбомбленные дома. И это все под сильным обстрелом врага. Уйти из Одессы было некуда, выход из города был только через море. Но где уж нам было с больной мамой. И вот наступил этот страшный день, когда наши войска оставили Одессу. Это было 14 октября, 15 октября в Одессе было какое-то безумие-безвластие. Начался грабёж. Я ещё не совсем ясно понимала, что происходит. Мне было 14 лет, пора беспечности. Да я ещё и по натуре была очень весёлая девочка. А мама?. Боже, боже, страшно сейчас вспомнить !

16 октябрю в 3 часа дня к нам пришел мамин знакомый, еврей, дядя Филипп и говорит маме:

"Сарра, мы погибли, в городе немцы".

Я посмотрела на маму и ужаснулась, она на моих глазах седела. Я забылась в крике. Вдруг вбегает Толик, это было в четыре часа, и говорит : "Немцы".

Я выскочила во двор и глянула в щель ворот, по улице шли немцы и румыны.

Слезы бежали ручьями. Я вбежала в комнату и прижалась к маме. Тут я только осознала, что я еврейка, а немцы - это наша смерть. Ужас! Умирать не хочется. Толик ещё ничего не понял. Дядя Филипп поднялся и сказал: "Ну что ж Сарра, я пойду, у тебя и без меня много горя". Дядя Филипп не смог уйти из Одессы, так как он был белобилетник и его взяли в ополчение. А Одесское ополчение почти всё осталось в городе. Я пошла посмотреть город. Горел ГУМ. Везде были расклеены воззвания немцев. "За провинность и не провинность евреям и коммунистам-смерть". На электрических столбах висели трупы. Я пошла на Преображенскую площадь, там стояли немецкие машины с громкоговорителями, немцы и продажные девки веселились. Сердце разрывалось на части, что же это происходит? Я видела, как большую группу мужчин (военных и не военных, среди них был и дядя Филипп) гнали пинками румыны и немцы. Куда?... Я видела моряков, почти все босиком, в нижнем белье - видимо из госпиталя и тоже куда-то гнали, они были все в перевязках, некоторые еле сами шли и поддерживали товарищей.

Смотреть было ужасно, всё, что я раньше читала в газетах о зверствах фашистов, воочию увидела буквально в первые дни войны. Дня через три, числа 20/10/41 года, всем евреям велели идти регистрироваться.

Мама мне говорит:

"Доченька, у тебя есть хорошая подруга Талка, иди к ней, может быть она тебя уведет в деревню к своим родственникам и спасет. Ведь мы все равно погибнем".

Я уцепилась за маму. Вдруг приходит Талка и стала меня уговаривать. Мама уйти не могла, её слишком многие в Одессе знали, как активистку, да и акцент еврейский её выдавал. Толика уговорить никак не удалось. Наконец с большим трудом меня уговорили. Я помню свое прощание с мамой. Милая мама, я несколько раз бросалась в объятия, я не могла уйти, чувствовала умом, что расстаюсь навсегда, а сердце не хотело верить.

Мама только просила:

"Дочка, останешься жива, Расскажи всем, что ты видела, что твоя мать была честной до конца".

Я уходила, 28 октября из Одессы в 7 часов утра, мама стояла у ворот и, пока мне её видно было, всё махала мне рукой. Я тогда ещё не знала, что в этот же день часов в пять вечера, на Дальнике, её сожгут в школе вместе с Толиком. Бедная моя мама, она даже предсмертно отвела от меня беду. В деревне я пробыла недели две. Талка выдавала меня соседям за родственницу, родные её знали обо мне все. Из города приходили одни известия страшней других, у меня не было сил жить в неизвестности. Я вернулась в Одессу. Когда я вошла в нашу квартиру, я ужаснулась. Портреты папы и мамы валялись на полу. Мы жили не богато, но из того, что оставалось, ничего не осталось, все разграблено, посуда побита. Что тут произошло? Я спросила у соседей, они рассказали, что маму как и других евреев угнали на Дальник. Я кричала день и ночь. По соседству у нас жила семья Кондыба. Вася и Саша были ровесниками моих братьев. Они дезертировали из Советской Армии. Они вместе со своей матерью буквально в первые дни встретили немцев хлебом и солью. Немцы их матери целовали руки. Кем они были ? - Бог их знает, знаю одно - предатели. И вот, когда я вернулась в Одессу, то в первую же ночь я крепко закрыла дверь на засов и на крюк и завинтила ставни, мы жили на первом этаже. Васька Кондыба привел немцев (он между прочим с моим братом Намиком очень дружил до войны) и говорит: "Вот тут есть молодая жидовка".

Немцы были все пьяные ,стучали, стучали, дергали за дверь, а я как мышонок залезла под кровать и дрожала от испуга. Не знаю почему, но они грязно выругались и ушли. А утром меня спрятала дворничиха Харитоновна. Была славная старушка, но долго прятаться я не смогла, кто-то меня выдал, и меня заставили румыны уйти в гетто на Слободку.

В это время я с особой силой почувствовала, что значит быть еврейкой. Собака и то была дороже. А мы? Одно слово - жид. Нас набили в один домик несколько семей. Слали мы на полу, повалом. Ели то, что придется. Я, уходя в гетто, на себя одела несколько платьев и костюм. Хороший шерстяной костюм, совсем новый, я променяла на 10 пирожков с картошкой, лишь бы не умереть с голоду. А остальную одежду отдавала совсем за бесценок. На евреев устраивались ночные облавы, потом строили их в колонны и по несколько тысяч отправляли куда-то. Мне удавалось уходить из одного района Слободки в другой. Но дальше гетто не уйдешь. И в один из дней я попала. А это был уже январь 1942 года. Морозы, какие не помнили издавшие виды старожилы Одессы. Нас евреев построили в колонны (нас было тысяч пять) и погнали на товарную станцию. Когда нас гнали по Пересыпу, жители Одессы стояли по бокам тротуара и многие из них плакали, бросали нам лепешки, кто - картофель. Но охранники-немцы, нам не разрешали ничего брать. Очень хотелось пить, а пить не давали. Помню нас гнали мимо бани, а там текла вода, вот эту воду нам разрешили пить, и мы пили, что же делать, если пить хочется. Среди нас было много стариков и детей. Пока мы шли со Слободки до то товарной станции, то на пути осталось очень много трупов. Люди полуголодные, обессиленные замерзали по дороге. Вот наконец нас пригнали на станцию и приказали влезть в "теплушки". Нас натолкали столько людей, что повернуться было нельзя. Кто хотел оправляться, оправлялся под себя. Куда нас везут мы не знали. Вдруг, поезд остановился, открыли дверь вагона, последовала команда "Выходить", люди не хотели.

Тогда последовали выстрелы. Только после этого мы все вылезли из вагонов. Была ночь. Нас всех построили и повели в степь. Всю ночь мы шли. Наутро мы пришли в какое-то село. Нас выстроили и пересчитали. Оказалось из пяти тысяч нас осталось 300 человек.

Остальные замерзли в степи. Так немцы расправлялись с евреями, им жаль было даже пули тратить, видимо они решили таким способом нас уничтожить. Вечером пришел полицай, света в комнате не было, у него в руках был фонарик. Он осветил всех евреев по одному, обыскал все углы (мне потом сказали, что он был сильно пьян), а почему в кормушках он не искал, не знаю. Сильно матерясь он отругал полицейского охранника, видимо посчитал, что я удрала. Под утро один охранник обычно засыпал на посту, конюшня была сделана из досок, евреям удалось кое-как выбить одну доску, я попрощалась со всеми и на свой страх и риск решила убежать. Куда? Решила идти в село, где мы были с Толиком. Много я колесила пока дошла до Кодинцева, Коминтерновского района Одесской области. По дороге встречалось много хороших людей. Ведь тогда люди ходили из села в село выменивать продукты да и так возвращались из села в село. Подаянием я кормилась, должна сказать, что акцент совсем меня не выдавал, так я чисто говорила по русский.

Неплохо знала украинский язык, а вот свой родной я не знала. Наконец, я в Кодинцево зашла к знакомой женщине, она сразу мне сказала, что я еврейка. Откуда она узнала? Но она говорит, чтобы я её не боялась. Она спрятала в кладовке, ночью обмыла, постирала мое белье и рассказала, что Талкина тётка разболтала, что я еврейка, что за мной приходила полиция, но мы с Талкой успели уже уйти в Одессу (это было еще до гетто). Эта женщина сказала, что мне опасно оставаться у нее. Наутро пришла беременная женщина с двумя детьми.

Она посадила меня напротив себя и говорит:

"Вот что, я тебе отдам свою метрику и уходи из села".

Ещё она мне рассказала, что под городом Нежин сейчас находится фронт, чтобы я попробовала перейти его, объяснила как надо идти, дала адрес в следующем селе. Я пыталась отказаться от метрики.

Я знала, что это значит, ведь если я попадусь, то её расстреляют, но она на меня накричала и сказала, что я не должна отказываться, что я должна жить. Знали эту женщину Надежда Павловна Мельниченко, 1919 года рождения. Милая, дорогая, совсем незнакомая женщина, она мне спасла жизнь. Я ушла из Козинцева. Это было в феврале 1942 года. Сколько я скиталась по Украине, сейчас всего на помнишь. И вот я в Киеве.

Сколько раз до войны я мечтала побывать в Киеве, и вот довелось, но как?! Крещатик - весь разрушен. Кругом разруха, голод... Чтобы попасть в г. Нежин нужно было перейти через Днепр. Но как? Должна сказать, что в метрике, что дала Мельниченко, была всего одна регистрация (немцы заставили жителей регистрироваться ежемесячно) и то Козинцевская. Когда я хотела перейти мост в Киеве у меня потребовали документы, я сказала, что у меня есть только метрика и показала её. Охранникам показалась подозрительной моя метрика: во-первых - года (я была 1925 г.р.), во-вторых - регистрация. Что бы я ни говорила, мне не верили, забрали в какую-то школу, в которой уже находились подозрительные советские люди. Наутро нас всех построили и погнали к вокзалу. Погрузили и повезли в Германию (как нам сказал охранник). В Перемишле нас погнали в баню. Немцы боялись, как бы мы в Германию не завезли инфекцию и вши. После бани нас снова погнали в вагоны, мы с несколькими девчонками решили бежать. Отпросились у охранника по нужде, а сами ушли за вагон и побежали, нас заметили и стали стрелять. Двух девочек сразу убили, меня и еще одну девочку ранили и избили.

В нашем вагоне нам перевязали раны, я была ранена в руку, хорошо, что пали в мякоть, и она ещё долго болела. Наконец, нас привезли в Германию в город Галле. Там нас привезли в какой-то дом и во дворе построили. К нам походили Немцы (хозяева) и выбирали себе рабочих.

Нас осматривали как скот: пробовали бицепсы, щупали тело. Я попала к хозяину, в так называемый фольварк. Я стала рабом. И всё, что раньше я читала только в книгах и газетах, стало явью. Нас поместил хозяин (Ост. арбаитер как нас называли) в один барак. С утра нас чуть свет гнали в поле, вечером, на ночь закрывали на ключ, чтобы мы не убежали. Надсмотрщиком был у нас югослав (фамилию не помню). Он был очень жестокий человек. Меня заподозрила одна из наших русских людей - предательница Сонька Мельничук, в том, что я не украинка, а еврейка. Дело в том, что я на имя "Надя" почти не откликалась первое время. Не могла привыкнуть. Ночами сильно во сне кричала и плакала. Нам иногда разрешали в дождливую погоду заходить в пивную (которых у немцев было много) и греться. Там обязательно было пианино и я иногда с позволения хозяина играла там на пианино. Вот Сонька и сделала вывод, что в СССР только жида умеют играть. Она о своих подозрениях сказала надсмотрщику - югославу и начались издевательства надо мной. Доказать они не могли, что я еврейка. То, что я плачу и кричу, я объяснила, что у меня разбомбили дом и все родные погибли, а что я не откликалась на имя, я мотивировала тем, что я плохо слышу. Но меня из-за каждого пустяка югослав бил стеклом.

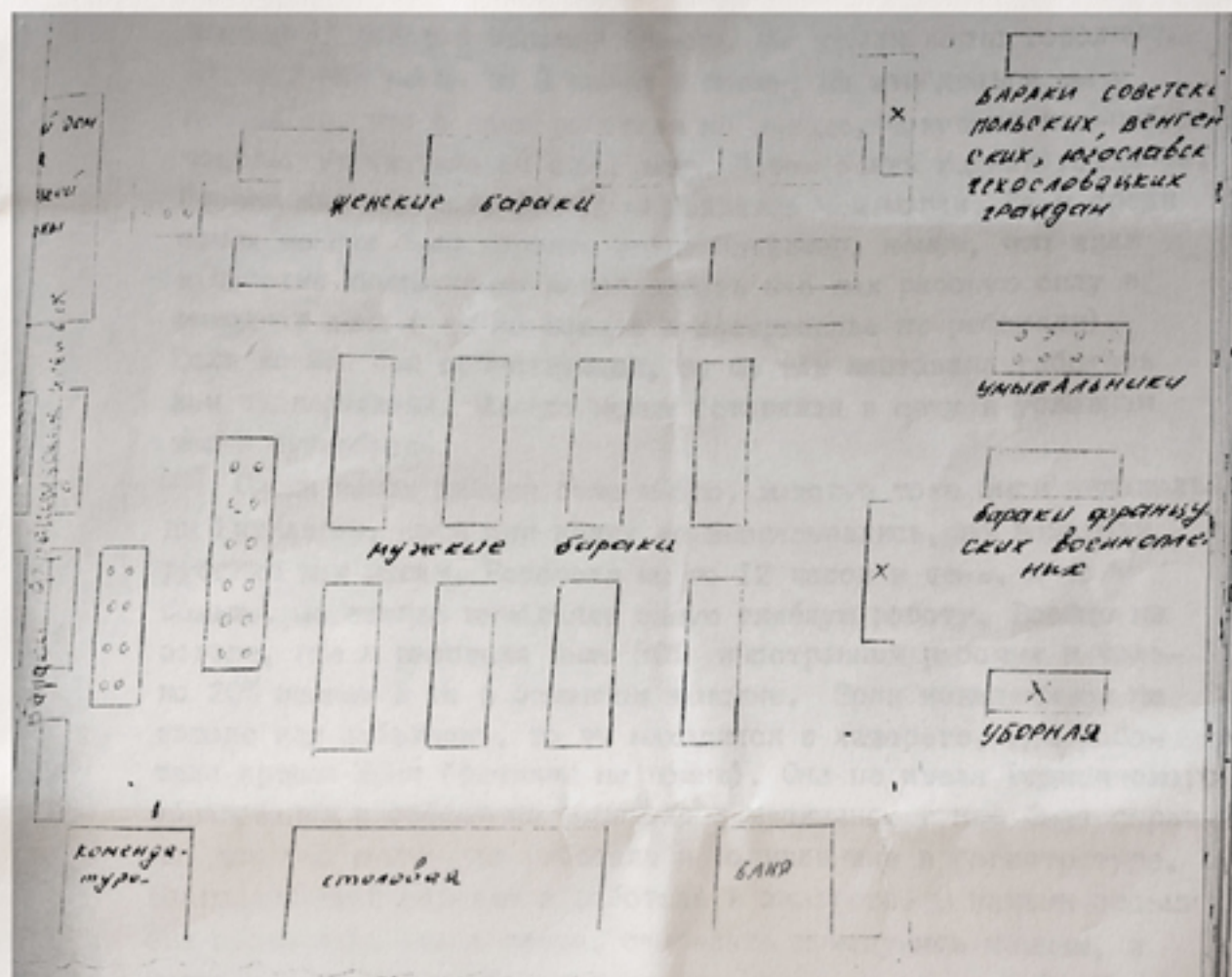
Осенью 1942 года меня и ещё двух увезли в лагерь в городок Гетштедт Гальской области.

Несколько дней нас держали в карантине, есть не давали, давали только мерзлую картошку, мы её пекли и так полу гнилую и сырую, только горячую, мы ели, лишь бы не умереть с голода.

У хозяина мы ходили в своей одежде, здесь же с нас сняли все свое и дали одежду из бумажного материала (стирать его нельзя, он расползается) и деревянные ботинки "Гольцшуэ". Причем верх - из толстой резины, а низ - деревянный. Наконец поселили в лагере в бараки. Нас в комнате было 24 человек, 2-х этажные деревянные нары. Постель - матрац из бумажной мешковины, в середине какая-то труха, такая же подушка, тонкое одеяло, вот и вся постель.

В середине барака - печь железная. Лагерь разделён на три части.

План лагеря

1-я часть - женская

2-я часть - мужская, советские люди и все славянские народности и венгры

3-я часть - французские военнопленные.

Кроме французов никому не разрешалось писать на лагерь или получать посылки. Французы получали помощь из Красного креста. Лагерь был обнесен в два ряда колючей проволокой, за которыми ходили немецкие охранники с собаками.

Советские люди обязательно должны были носить на груди пришитый квадратный лоскут с буквой "ост", что означало восточный рабочий. Кормили нас два раза в день. Утром кипяток и дневную норму хлеба 150-200гр. Вечером баланду из шпината, заправленную тухлой мукой из рыбных голов и баланду из квашеной молотой вонючей брюквы. Мы ходили вечно голодные. Платили нам немцы по 3 марки в месяц. На эти деньги мы у немцев же, что с нами работали на заводе, покупали что-нибудь поесть. Их хватало на один день. Потом опять ходили голодные. Правда нас выручали французы, делились чем могли. Да и среди самих немцев были хорошие люди. Например, немцы, что жили в поселке имели право использовать нас как рабочую силу в выходной день (мы на заводе в воскресенье не работали). Если хозяин был сочувствующий, то не так заставлял работать, как подкармливал. Иногда немцы оставляли в цеху в условном месте бутерброды.

Среди самих немцев было много, которые тоже были недовольны Гитлером, хотя они вслух не высказывались, но помогали русским, как могли. Работали мы по 12 часов в день, а то и больше. На заводе выполняли самую тяжёлую работу. Вообще на заводе, где я работала, было 80% иностранных рабочих и только 20% немцев и то, в основном, женщины. Если искалечишься на заводе или заболеешь, то ты находишься в лазарете, где работала врачом Женя (фамилию не помню). Она не имела медицинского образования и совсем не понимала в медицине, у неё была справка, что она когда-то работала в поликлинике в регистратуре. Благодаря этой справке и работала в лазарете.

С нашими людьми она обращалась очень плохо, старалась прислужить немцам, и часто, вместо помощи, больные ничего не получали от неё. И выздоравливали самотеком или совсем погибали. Все это привело к тому, что в 1943 году в июне месяце вспыхнула дизентерия. В лагере бегали стаями крысы. И если прибавить, что люди были очень истощены, то можно себе представить сколько людей погибло. Во время эпидемии нас на завод не посылали, немцы видимо боялись заразиться. Лечить наших людей тоже не лечили и медикаменты не давали. У нас освободили два барака, в которых помещали тяжелобольных дизентерией. Такие бараки мы все называли бараки смерти. Если уж кто в него попадает, то вряд ли вырвется.

В основном лечили мы сами больных наваром корня лошадиного шевеля. Эпидемия свирепствовала до самых холодов. К зиме она угасла. Но ещё в августе нас стали снова гонять работать на завод. В один день к нам в лагерь приехали гестаповцы и забрали большую группу людей. Как потом выяснилось, у нас в лагере действовала группа, которая хотела организовать в лагере восстание, всех их выдал Юра - "художник", как его называли. Среди арестованных было много молодежи из Севастополя (в то время им было уже по 17-18 лет в 1943 году). Руководил этой группой "батя" - так его все называли в лагере. У него на руках не было нескольких пальцев. Сам он из Киева. Каким-то образом он ухитрился сапожничать. На заводе он не работал, а шил в лагере немцам по их заказу сапоги. Вот этот человек и сплотил вокруг себя наших советских людей, которые и должны были организовать восстание в лагере, в котором находились много национальностей, как советских, так и зарубежных. Но восстание было раскрыто. Большую группу советских людей, во главе с Батей, повесили прямо в лагере. Нас согнали на площадь и заставили смотреть, кто отворачивался - того били. Это был жуткий день, так как со многими ребятами мы дружили и знали в лицо.

После провала восстания, каждую неделю в бараках делали повальные обыски. За каждую маленькую провинность били нещадно. Мы боялись буквально каждого, так как среди нас было много провокаторов. Работали мы на заводе и в шахтах, которые находились в метрах 50-ти от лагеря. Когда была воздушная тревога, а это бывало частенько, если мы были в лагере, то все старались бегом укрыться в бараке, так как немцы спускали овчарок. И кто не успевал скрыться, того кусали, а иногда и до смерти. Это были жуткие дни и год. В марте 1945 года стали слышны взрывы. От друг друга мы узнали, что приближается фронт. Как мы радовались. Пережили, пережили.

В конце марта начальник лагеря собрал нас на площади и сказал, что как будет дан сигнал, все должны быстро идти в шахты. Но среди нас распространились слухи, что немцы шахту заминировали. Передавалось из уст в уста - никто никуда не ходите. Где - то числа 4 апреля половину людей из лагеря построили и куда-то погнали. Потом мы узнали, что их расстреляли в оврагах близ лагеря. А 12 апреля остальную часть людей согнали на площадь лагеря и окружали немецкие автоматчики, в этот момент въехали американские танки, немцы стали убегать, кто куда. Мы спаслись чудом. Где-то в конце апреля с большими мытарствами мы очутились на границе Германии и Польши, где попали в так называемый фильтрационный лагерь. После проверки в этом лагере в августе 1945 года я вернулась в Одессу. Что сказать?

Когда мы приехали из Польши через нашу границу, увидели наших пограничников - мы плакали, целовались и кусались от радости. Не было предела нашей радости. Ведь мы уцелели !!! Господи! Прямо не верилось, но это так.

Я вернулась в Одессу, и вдруг узнаю, что у меня жив брат Гриша. Мы с ним встретились, сильно плакали. Я у него прожила до рождения Сына Анатолия.

Муж был в армии.

В конце весны в лагере я тесно сошлась (начала дружить) с одним нашим парнем - Камаевым Николаем. А ещё вернее, меня донимал все время один подлец (подозревал еврейку) из наших людей, но заступничество Николая спасло меня от большой беды. Несмотря на то, что шла война, и мы жили в страшных условиях в лагере, мы были молоды и в таких условиях любили. Был у нас в лагере один парень из Харькова (тоже угнанный немцами) Ваня Калашников. Мы полюбили друг друга. Но не долго мы встречались украдкой с мим. В августе 1943 года он умер от дизентерии. Я очень переживала его смерть. И вот в конце войны в 1945 году и случилось, что я чуть не погибла из-за одного подлеца. Я все больше и больше признавалась к Николаю. И после освобождения стала с ним жить как с мужем. После освобождения он уехал служить в армию, добивать фашистскую гадину. В декабре 1945 года я родила сына, назвала его в честь моего брата Анатолием. Скоро меня разыскал Коля, он демобилизовался и жил в Ташкенте, там жила его мать. Он стал звать меня к себе. И в 1947 году я с Толиком уехала к нему. Но жизнь моя с первым мужем не сложилась. Его мать была очень против меня (она была фанатичка верующая). Она оскорбляла мое национальное достоинство. Можно представить каково было мне, пережившей только недавно кошмар военных лет, особенно из-за своей национальности.

Жили мы с его матерью, вернее, у неё - год, потом ушли на квартиру, но муж меня скоро оставил (не без влияния матери и родственников). Осталась с маленьким ребёнком и ещё беременная. В 1947 году у меня умирает ребёнок от дизентерии. Я решила сделать аборт, но он был неудачным. И в дальнейшей моей жизни у меня детей больше не было. Когда Николай меня оставил, я узнаю что у меня жив мой брат Намик (он жил в Баку). У него появилась семья - 2 детей, мальчик и девочка. Я решила уехать к нему, у него я жила месяца 3. Жили они очень бедно, ведь недавно кончилась война.

Был 1948 год и многие жили после войны очень материально тяжело.

Я решилась уехать в город Фрунзе, где жили мои знакомые.

По дороге из Красноводска до Ташкента, в районе Ашхабадской обл., на поезде где я ехала (это было в сентябре 1948 года), было совершено вооруженное ограбление. У меня забрали всё: вещи, документы, деньги. Дорожная милиция дала взамен украденных документов справку и возможность доехать до Фрунзе. Я приехала во Фрунзе, пошла к своим знакомым, они мне предложили поехать жить в селе Аламединка, дали адрес.

Сначала я жила по данному мне адресу, но видимо я в этой семье была лишняя (ведь у меня ничего не было, ни денег, ни паспорта, ни одежды). Я устроилась в детский дом (который находился в этой деревне), уборщицей, спала на соломе в прачечной. Питалась тем, что мне кто-либо дает, а чаще голодала. Заработок был мизерный, его хватало на пуд кукурузы, которую я жменями жарила и ела. Так прошло 6 месяцев.

Я вернулась во Фрунзе. Жить было негде. Было лето. Спала на лавочке в парке им. Панфилова. Днём нанималась к людям, то детей нянчить, то квартиру убирать, то стирать. А ночью - скамейка.

Господи, что я пережила за эти 2 месяца !

А на работу на производство не берут - нет паспорта.

Однажды утром, я сидела на скамейке, ко мне подошла женщина и стала спрашивать у меня почему я каждый день сижу, где живу, где работаю. Сказала что работает в ЦК Киргизии (я за давностью лет многие адреса и фамилии не помню). Я ей всё о себе рассказала. Она приняла меня к себе домой, одела и обула с ног до головы. Повела в одну из строительных организаций, СУ нр. 213 и устроила на работу. Там мне дали место в общежитии. Помогла получить паспорт.

С тех пор началась настоящая моя трудовая жизнь на предприятии.

В 1949 году, я познакомилась с каменщиком, там где я работала, Хуторновым Владимиром и вышла за него замуж. Прожили мы с ним 3 года, он не пил, не курил, но был садист.

Частенько без причины бил меня, говорил, что бьет меня потому, что я ему не рожаю детей, и тогда, когда я начинала плакать, он смеялся надо мною. В 1950 году мы переехали из Фрунзе в Ташкент. Там я устроилась на работу на Ташкентскую табачную фабрику. Здоровье мое очень пошатнулось (сказался лагерь и Германия, и тяжелая голодная жизнь 45-49 годов). Я сильно болела, если ещё учесть ненормальные отношения ко мне Хуторнова. И я страшно заболела на нервной почве, легла в больницу. Хуторнов загулял. Это было в 1952 году, выйдя из больницы я решаюсь порвать с Хуторновым, хотя мне материально жилось тяжело. Решаюсь уехать в Москву и пойти в ЦК МОПР. Я тогда подумала: неужели мне не помогут устроиться лучше, чем я сейчас живу. Я решилась, продала с себя кое-что на билет и поехала. Я нашла ЦК МОПР, он раньше был на площади Ногина. Приехала очень рано, но сторож меня в здание пустил. И вдруг где-то часов в 8 утра заходит в дверь наша бывшая воспитанница китаянка - Аня. Она меня конечно узнала. Мы обнялись и плакали. Она тут же позвонила Виве Пак, а Вива всем нашим ребятам и велела срочно ехать к ней (она жила тогда на ул. Горького, в гостинице Люкс).

Собралось очень много наших ребят. Встреча была очень волнительная. Сколько было - А помощь... ??? Разошлись мы только в 6 утра. Ребята мне очень помогли, собрали кто сколько мог денег. ЦК МОПР выделил мне путевку в санаторий в г. Солнцегорск на берегу озера. Я там пробыла 26 дней, очень подкрепила своё здоровье. А потом поехала в город Иваново, в свой детдом. Там мне помогли устроиться на механический завод. Я проработала там пару лет, а потом врачи мне запретили работать из-за состояния здоровья. Я уехала в Одессу к брату, но его там не оказалось, я жила у его жены и устроилась на сталепрокатный завод. Тут меня по письмам разыскал Хуторнов (он в это время служил в армии) и стал просить у меня за все обиды прощение. Я простила, он просил меня, чтобы я приехала во Фрунзе. Я так и сделала.

Я согласилась, так как климат для моего здоровья был очень благоприятный. Мне обещали отдельную квартиру, я вернулась в Н-Туру, а там меня ждал 2-ой вызов (туда же). Я рассчиталась и уехала в Узбекистан в г. Навои. Устроилась муз. руководителем в дет.саду. Со временем получила отдельную квартиру, однокомнатную. В 1966 году случайно познакомилась с одним парнем Демьяновым Иваном. Собственно, он помог вместе с ребятами из своей бригады перевезти мои вещи на новую квартиру. С тех пор он стал за мной ухаживать. Но я никак не хотела быть с ним. Дело в том, что он был на очень много лет меня моложе, на 12 лет. Но он не отступал (Он еще женат никогда не был и вот парадокс - влюбился в женщину намного старше себя). Я рассказала об этом Тане, она попросила меня его привести к ним. Мы пришли, побыли у них вечер, на следующий день Таня и Миша (её муж) в один голос сказали, что он им очень понравился и что хватит мне жить одной, и, если я ему нравлюсь, то и думать тут нечего. В принципе, я ничего не теряю. Я Ване сказала, что детей у меня не будет, он все равно сказал, что жить без меня не может. Брак наш мы оформили по закону. Я стала Демьяновой.

В 1968 году Ваня привел в дом свою маленькую племянницу (дочь сестры) Верочку, которая очень ко мне привязалась и стала называть меня мамой. Ванина сестра очень пила, вела аморальный образ жизни (как женщина) и совсем забросила девочку. В 1969 году Верочка пошла в 1 класс, жила постоянно у нас. В 1970 году Ваня едет в командировку в г. Кировоград (он был монтажник), там встретился с одной женщиной, она от него забеременела, и это все решило.

Несмотря на то, что мы прожили с ним эти несколько лет очень хорошо, я по-настоящему поняла, что такое женское счастье, жизнь моя опять дала трещину (все из-за того, что я не имела детей).

Господи откуда брались силы все это пережить? В 1971 году свекровь (Ванина мать) забирает у меня Верочку, к которой я страшно привязалась, и увозит её к Ивану в новую семью. Ребенок там не прижился и запросилась к бабушке обратно.

Летом 1972 года (когда Верочка перешла в 5 класс) бабушка её привезла в Навои. Увидев меня, она бросилась ко мне на грудь и просила: мама заведи меня, сделай документы, что я твоя дочка. Я сначала не хотела удочерять Верочку, понимала какую ношу я взваливаю на свои плечи.

Так она и жила у меня эти 3 года. Но девочка росла, а помощи неоткуда. Об этом я сказала свекрови, она мне показала дулю и говорит: "ишь чего захотела". Тогда я решилась и начала оформлять документы в отдел опеки и попечительства. Верочке уже исполнилось 14 лет. Трижды был суд, на который родная мать так и не пришла. Последний суд лишил её материнства, на основании многих документов, а после я оформила Верочкино удочерение. От алиментов я отказалась, зарабатывала я достаточно, чтобы воспитать Верочку. Да и не хотела, чтобы она была обязана впоследствии Варваре (её родной матери). Училась Верочка хорошо, кончила 10 классов. По собственному выбору поступила в Пед. Институт, дошкольный факультет. Да, я забыла сказать, что я учила Верочку музыке на фортепиано в музыкальной школе. Девочка была всесторонне развита. Вот и появилась цель в моей жизни. И хотя я понимала, что это будет ой как тяжело, но было благодарна Ване за то, что подарил мне Верочку. Верочка кончила институт и приехала домой. А я к тому времени уже стала пенсионеркой, но продолжала работать, но из д/сада ушла. Пошла работать на почту в отдел «до востребования». А Верочка пошла работать в мой д/сад воспитателем. В мае 1985 года Верочка вышла замуж за Модебека Битанова (казаха по национальности) и, спустя несколько месяцев, они уехали жить в Волгоград. Я пока осталась в Навои и работала все там же, на почте, несмотря на то, что мне уже 60 лет.

Переписку веду с одноклассницей моей Мартой Ганчевой (болгаркой), она живет в Москве и с Ханцем Шмитдом из ГДР (он учился в одном классе с моим братом Абрашей).

В 1979 году меня наградили медалью "Ветеран труда", за годы работа музыкальным руководителем много раз награждалась почетными грамотами.

В 1979 же году мне расширили площадь, и я получила 2-х комнатную квартиру. Я часто думаю, что если бы я жила в Палестине (теперешний Израиль), была бы жива вообще? Как я благодарна Советскому государству за то, что, хотя и не легкая была у меня жизнь, но я все же жила. Было в моей жизни все: и радость, и больше горя, но все же жизнь. Ведь из нашей большой семьи осталась я одна. Гриша умер в 1971 году в городе Туле, а Намик в 1981 году в г. Баку, умерла и дочь Намика, но жив её сын Олег. Жив сын Намика Саша, у него 2-е детей мальчик и девочка, живет он в Одессе.

Верочка с мужем живут в Волгограде, живут дружно, любят друг друга, ждут ребенка, а я внука. Жизнь продолжается. В январе 1988 года Верочка возвратилась ко мне домой с дочкой Леночкой (моей внучкой). В марте приезжает зять. Они стали жить отдельно. Я бросила работу. Теперь я настоящая пенсионерка. Вера с семьей опять возвращается жить ко мне. 25 декабря 1988 года Верочка рождает сына Тимура. Теперь у меня 2-е внуков. Леночка и Тимур. 14 декабря 1990 года Верочка с семьей переезжает на квартиру. Я осталась жить одна в 2-х комнатной квартире. Жизнь прожита и остались лишь воспоминания и не радостные.

Вот и выросли мои внуки. Уже 1997 год. Тимур учится в 1-ом классе Гимназии, Лена в 4-ом классе. Верочка уже заведующая детским садом. У меня хорошая дочь и милые внуки. Старость моя спокойная. Живу я в 2-х комнатной квартире. Конечно жить нелегко. Сменилась власть. СССР теперь, как Узбекистан, отдельное государство. Но жить надо. Много читаю, часто вспоминаю прожитую жизнь. И все же мне уже 71.

Я пережила всю свою большую семью. Ещё хочется сказать немного вот о чем.

Меня в 1995 году наконец-то приравняли к участникам войны как узника немецких конц.лагерей. Германия мне выдала очень большую сумму за гибель мамы и братьев, за все пережитое мною в годы войны, аж 600 марок. Я стою видно этой цены, но что поделаешь? Ладно, хоть так отделались от такой мерзости, что сделали нами. Пользуюсь всеми льготами. У меня много друзей, которые не оставляют меня. Все же мир не без добрых людей. Но большую любовь я ощущаю от моей дочери и внуков. Они - моя жизнь. И с этим, видимо, я буду до конца своих дней. Спасибо богу за Верочку и внуков. Пошли им, Господи, здоровье, радости и счастья. Пусть они никогда не переживут того, что пережила я. Конечно я не подробно описала свою жизнь. В основном описала самые главные, на мой взгляд, моменты. Пусть у моих потомков хоть останется чуть-чуть в памяти обо мне, и что я из себя представляла. Жизнь пока продолжается. Здоровье здорово пошатнулось. Видимо все, что пережила за прожитую жизнь, аукнулось в старости. Но я пока живу и за это спасибо богу. Вот и прожила в СССР 70 лет, и все стало на круги своя. Я еду на родину, в Тель-Авив. Но почему так горько на душе? Что меня ждет в конце жизни?

(1)

(2)

(3)

(4)

(5)

(6)

(1)

(2)

(3)

(4)

(5)

(6)

(7)

(8)

(9)

(10)

(11)

(12)

(13)

(14)

(15)

(16)

(17)

(18)

(19)

(20)

(21)

(22)

(23)

(24)

(25)

Оснат Ася Вольгендлер

Надпись на Фото

Страница Фото 1

1. Семья Вольгендлер. Асе здесь 2 годика, сидит на коленях у папы. Фото наверно 1927 года, Анатолий (Навтали), ещё не родился.
2. Отец, Исаак Вольгендлер
3. Мать Девичья фамилия, Полак
4. Беньямин Вольгендлер
5. Авшалом (Шалом) Вольгендлер
6. Ася Вольгендлер, 1929г., 4 годика.

Страница Фото 2

7. Авшалом (Шалом) Вольгендлер (вверху в середине), Беньямин справа от него.
8. Ася Вольгендлер
9. Ававрум (Аврум) Вольгендлер
10. Беньямин Вольгендлер
11. Ававрум (Аврум) Вольгендлер
12. Навтали (Анатоли) Вольгендлер
13. Навтали (Анатоли) Вольгендлер

Страница Фото 3

14. Детский Дом им. 8-го Марта, 1933.
На фото Беньямин, Шолом (2), Аврум (3). Фото подарил Асе, Митко Димитров (сын Стефана Димитрова), в 1983 году. На этой фото, наверняка, наши интердомовцы перед отъездом в Интердом.
15. Интердом, 1936г. Ася (11 лет), нижний ряд справа. Слева от Аси, Лили и Эми Штенцер. Вверху Эльвира Эйзеншнайдер. Рядом воспитательница, Монтель
16. Интердом, 1936г. Ася, внизу слева.

Страница Фото 4

17. Интердом, 1939г. Ася верхний ряд, третья слева.
18. Интердом, Навтали (Анатолий) Вольгендлер, четвёртый ряд первый слева.
В том же ряду, седьмой слева, Мао Аныцин (в Интердоме Коля Юн Шу), сын Мао Цзэдуна.

Страница Фото 5

19. Интердом, 1937г. Ася, третий ряд, первая справа.
20. Интердом, Концертный Ансамбль Народных Инструментов, 1935 г.
Ававрум (Аврум), средний ряд, третий слева.

Страница Фото 6

21. Интердом, Навтали (Анатолий) Вольгендлер, верхний ряд, первый справа
22. Интердом, 1940г. Ася.
23. Ася, в середине ?

Страница Фото 7

24. Интердом, Навтали (Анатолий) Вольгендлер, верхний ряд, третий справа.
25. Интердом, Ася , верхний ряд, третья справа.

